

ВЛАД ГАЛУШЕНКО
ST CROSS
CRIME SCENE

ЖАЛОПТЫ ИЗ ЛАРЦА

КОРОТКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Сборник детективных рассказов «Комар в смоле» предназначен для любителей и ценителей малых детективных форм - коротких рассказов. Тому, кто откроет эту книгу, скучно не будет точно, не только благодаря лихо закрученным детективным сюжетам, но и блестящей ироничной манере изложения автора.

Влад Галущенко

Хлопоты из ларца

1. Соль Земли и невеста Змея

Я опустил ноги в тазик с горячей водой и блаженно вздохнул. Кажется, теперь все готово к встрече Рождества. Как и Новый Год, всегда встречал этот светлый праздник дома. В философском одиночестве. Третий год подряд. Это были для меня вечера подведения годовых итогов. Время обдумывания житейских планов и фантастических проектов на будущее.

Вот и в этот раз я без сожаления отклонил все предложения от корпоративов, знакомых и соседей. Тем более, что лично мне год не дал поводов для особых восторгов. Хотя нет. Некоторые надежды он мне принес. В плане решения моих финансовых проблем.

Как всегда, расположился в кресле перед огромным окном на балкон. Шторы я предварительно раздвинул. Почему перед окном? В нашем небольшом городке принято отмечать Новый Год и Рождество фейерверком. Двенадцатью залпами в двенадцать часов. Фейерверки я обожаю. Вот под них я и выпью шампанского и бокал французского «Камю». Эту традицию я установил

для себя недавно, в год развода с Мари.

Нет, это не была для меня трагедия. Это был праздник! И устроила мне этот праздник моя компаньон-секретарша-кассир Виньета Блюм. Именно в таких ипостасях эта хорошенькая евреечка со временем закрепилась в нашем разваливающемся детективном агентстве. Ее младший брат уже год бесплатно стажировался у меня на должностях частного агента и бухгалтера. Я не возражал. Пусть работают.

Все это — благодаря моей лени, любви к мягкому дивану и хорошему коньяку. В этом году я решил окончательно завязать с агентством. Предложил свою долю Виньете, но та отказалась менять нравившуюся ей вывеску «Ищейка Роб». Роб — это сокращение от моего имени Роберт Клюев. Уволенный по возрасту инспектор полиции. С нищенской пенсией и бесперспективным будущим.

Я подлил в тазик из чайника горячей водички. Пахнуло запахом чистотела и ромашки. Да, инспектора кормят ноги. И они же первыми вскоре отказываются ему служить.

Хорошо. Приятное тепло разлилось по распаренным лодыжкам. Дадут вам на корпоративе вот так посидеть в кресле и попарить ноги? То-то же!

А тут перед креслом — журнальный столик.

На нем — накрытый вафельным полотенцем горячий гусь, фаршированный гречневой кашей с яблоками, бутылка шампанского в ведерке со льдом, холодненькое пиво в банках на подоконнике и заветный бокал с чудным ароматным коньяком. Я тоненько нарезал лимончик и посыпал его сахарком. Дольки тут же пустили слезу. Последний завершающий штрих начала праздника!

И все это благодаря Виньете. Когда в начале года я отошел от дел, конверты с моей месячной денежной долей стали приходить все толще и толще. Когда сумма стала в десять раз больше моей пенсии, я окончательно пришел к выводу о собственной никчемности. И о таланте моей прекрасной секретарши. С благодарностью вспоминаю тот день три года назад, когда нанял эту черноволосую непоседливую красотку к себе на работу. Я-то ее нанимал, как куклу для витрины фирмы. А оказалось...

Первое, чем она занялась — это моим разводом с женой. Нет, тогда мы с Мари и не думали о разводе. О нем позаботилась Виньета.

Уже через полгода я с удовольствием вкушал плоды свободы. Меня немного удручало то, что моя секретарша с таким же рвением взялась за решение второй проблемы — женить меня снова. Естественно, на себе. Кто бы сомневался!

Вот уже два года я пока успешно отбиваю ее

наполеоновские атаки. Такие же изошренные по глубине стратегических и тактических построений, полные женских хитростей, сдобренные солидной порцией эротики и кулинарных праздников для моего желудка. Все чаще стал подумывать о почетной капитуляции. Хотя терять выгоды нынешнего положения очень не хочется.

Добавил в тазик еще порцию горячей водички. Осталась одна минута до двенадцати. Я хлопнул пробкой от шампанского и налил в узкий бокал до краев. Шапка белой пены быстро оседала. Выключил свет и поднял бокал. Раздался приглушенный оконным стеклом звук залпа. Фейерверк разноцветных брызг взорвался внутри бокала. Я с наслаждением выпил этот ароматный букет запаха, цвета и вкуса. С Рождеством меня!

В окне вскоре расцвел второй шквал цветов из разноцветных огненных капель. Они приятно тонули в аромате, вкусе и цвете золотой жидкости в широком бокале.

На пятом выстреле в окне появилась она. Черный стройный девичий силуэт на фоне небесного разноцветья. Очень красиво.

Нет, вру. Вначале я увидел упавший сверху толстый узловатый канат. И только потом на нем появилась быстро скользящая вниз фигурка голой девушки. То, что она абсолютно голая, я хорошо рассмотрел на фоне горящего огненными цветами

неба. Шестой залп мне не понравился. Показалось, что пушка выстрелила чуть ли не с соседнего балкона.

Я замер с поднятым бокалом коньяка. Скрипнула балконная дверь. Девушка бесшумно вошла и вытянула вперед руки. Я понял, что ослепленная вспышкой фейерверка, она сейчас абсолютно ничего не видит. Медленно она прошла мимо меня, пока не уткнулась руками в стену. Тогда она стала мелкими шажками смещаться влево, шаря руками по стене. Когда она промахнулась мимо выключателя, я не выдержал.

— Девушка, выключатель выше! — и в этот момент за окном вспыхнуло новое буйство огня и красок. Свет в комнате вспыхнул тоже.

Я повернулся в своем кресле. Она без тени смущения рассматривала мою холостяцкую обитель. Потом перевела взгляд на меня. Но я уже давно не боялся этих пронзительных женских взоров и не искал в них отражений любви, нежности или покорности. Жизненный опыт научил меня многому.

Долго эта молчаливая перестрелка взглядами не могла продолжаться. Я зашлепал босыми мокрыми ногами в сторону ванной. Принес оттуда свой банный халат. Девушка завернулась в него и уселась в мое насиженное теплое гнездышко.

Я же сел в кресло у стены и мысленно

открыл события назад. До шестого залпа.

— Это ты стреляла из пистолета?

— Нет, — голос был хриплым и дрожащим. Видимо, не такие уж у нее крепкие нервы.

— А кто?

— Не знаю.

— Надеюсь, ты стерла с него свои отпечатки пальцев? — обычная полицейская уловка. Пока простенькая.

— Нет. Я ничего не стирала. У меня не было пистолета.

Не попал. Пойдем дальше. Сначала усыпим ее бдительность.

— Я раньше работал в частном детективном агентстве. Возможно, я смогу тебе помочь.

— Мне не надо помогать. Я его не убивала.

Ага. Это уже кое-что. Ситуация проясняется. Значит, я действительно слышал выстрелы. Надо мной на четвертом этаже жил полупомешанный археолог, постоянно говорящий только о костях. Даже возле стола козлятников во дворе, куда его иногда вывозила в коляске уже немолодая дочка. Значит, он убит. Выстрелом. Дочери его я уже с полгода не видел. Как и самого археолога. У него было какое-то редкое заболевание ног, подхваченное на раскопках. По крайней мере, ходить сам он не мог.

— А как тебя называть, юная леди?

— Лиза.

Я проследил ее взгляд за окно при очередной вспышке фейерверка. Канат за окном исчез. Странно, может его не видно из-за включенного в комнате света?

— А фамилия? — она тут же отвела взгляд.

— Зачем вам? Дайте мне другую одежду и я уйду.

— А почему ты не взяла свою одежду там? — я поднял вверх палец.

— Я очень сильно испугалась. Кто-то стал стучать в дверь. Очень сильно. Я думала, они ее выбьют.

— Они?

— Да. В глазок двери я видела трех здоровенных мужчин. Поэтому связала три простыни и бросилась на балкон. По ним и спустилась к вам, — она снова перевела взгляд на окно. Странно, узловатый канат снова висел на своем месте. Значит, показалось.

— Дайте мне любую одежду. Вы же не сдадите меня полиции?

Я пошел рыться в шкафу. Выбрал серый зимний спортивный костюм и старую лыжную куртку. Если подвернуть рукава, все вполне подойдет. Лиза буквально вырвала одежду из моих рук. Только что она спокойно сидела и разговаривала. А теперь в ее действиях появилась

непонятная судорожность. Даже не отворачиваясь, она скинула халат мне на руки и быстро оделась. Суетливо подвернула рукава и бросилась к дверям. Глянула в глазок и тут же отпрянула.

— Они там! — Я подошел к глазку.

Напротив моей двери размахивали руками три мордovorота. Значит, про них Лиза сказала правду. И тут я увидел тянущуюся к двери руку. Раздался звонок. Я оглянулся. Лизы сзади не было. Странно. Я открыл замок. Сразу после щелчка дверь ринулась на меня.

Очнулся я на полу. Лиза стояла надо мной с кувшином воды. Ледяной. Это я чувствовал мокрым затылком.

— Эй, хватит! — я поднял руку. — Где они?

— Сначала обшарили вашу квартиру. Потом ушли наверх.

— Они еще там?

— Нет. Только что уехали на машине.

— И долго я был без сознания?

— Не очень.

С трудом встал и подошел к зеркалу. Меня в этом уроде не узнала бы даже родная мама. Носа не было совсем. Вместо него и губ — сплошное красное месиво. Так вот почему мне так больно говорить. Да, теряю навыки. Раньше, открывая дверь, я обязательно бы сделал шаг в сторону.

— А почему они тебя не нашли? Где ты была?

— Там, — она подняла палец вверх.

Ах, да. Я глянул на балкон. Канат висел на месте. Прямо обезьяна какая-то. Я направился к двери.

— Вы куда? — В ее голосе слышался испуг.

— Туда, — я тоже поднял палец и сунул босые ноги в меховые полусапожки.

— Я с вами! — Мне осталось только безразлично шевельнуть плечами.

В комнате археолога увидел то, что и ожидал. Сломанный замок двери и полный бардак внутри. Из открытой балконной двери доносилось далекое завывание полицейских сирен.

Все добро хозяина квартиры лежало горой посреди зала. Явно здесь эти три бугая что-то искали. И явно ничего не нашли. Об этом свидетельствовали желтые потеки на стенах коридора. Так сказать — последняя месть обманутых надежд.

Завывание полицейских сирен слышалось все ближе.

Археолога я обнаружил в кресле. Естественно — мертвого. Из левого сжатого кулака торчал кусочек бумаги. Я потянулся за ним. И тут вдруг свет выключился. Но только для меня.

Очнулся я опять в своей комнате. В боковом кресле. Сзади за плечи меня держали руки. Судя по нашивкам на рукавах — сержантские.

Передо мной в любимом кресле развалился Пудель, опер из убойного отдела. Из молодых, да ранний. Не очень лестно отзывались о нем мои друзья. Пуделем его, видимо, прозвали за косматую шевелюру и лохматые желтые усы.

— Очнулся? Хорошо. Следовательно Путель. Назови свою фамилию, — он держал в руках мой раскрытый паспорт. Как быстро они его нашли! Я его год уже не видел.

А может и не за шевелюру с усами ему дали кличку? Фамилию его я слышал в первый раз.

Разговора у нас с ним не получилось. Поняв, что мне все его полицейские уловки давно знакомы, а предъявлять мне нечего, кроме лежания в кресле в обнимку с трупом, он вскоре ушел.

Сняв отпечатки и пробу на порох с моих пальцев. И взяв подписку о невыезде. А также выхлебав до доньшка мой любимый коньяк. Очень дорогой, кстати.

Я снова подошел к зеркалу. К красному месиву спереди головы добавилось кровавое пятно сзади. И это всего за два часа! Если празднование Рождества и дальше пойдет у меня в таком темпе, то не только мать, к утру я сам откажусь от своего портрета.

Как ни странно, удар по затылку чудесным образом поставил мозги на место. Я сел в, наконец-то, освободившееся любимое кресло.

Выпил из горлышка несколько глотков теплого, противного, выдохшегося шампанского. Почему-то соленого. А, это, наверное, от крови на разбитых губах.

В зеркало на себя уже смотреть не хотелось.

Два часа ночи. Час меня дурачили и регулярно били. Потом лежал без сознания. Полчаса допрашивали. Чтоб вы все так праздновали! Что осталось в остатке?

Выстрел на шестом залпе фейерверка, таинственно два раза исчезающая Лиза, три здоровенных мужика уголовного вида, два удара по башке и лохматый Путель. Негусто!

Что-то еще я не перечислил. Что-то важное! Это меня нервировало. Ах, да! Канат из связанных простыней, который, то появлялся, то исчезал. Я поплелся на балкон. Канат, как ни странно, был на месте. К его краю был привязан кухонный топорик. Лезвие у него было полумесяцем. Отличный крюк, но зачем? Крюк нужен, чтобы лезть вверх, а канат висит вниз. Это надо проверить.

Я поднялся по лестнице на четвертый этаж.

Узенькая полоска бумаги поперек двери археолога меня не остановила. Я вышел на его балкон и осмотрелся. Это был последний этаж дома. Выше балкона — три метра голой бетонной стены. И сверху — полуметровый бетонный бортик. Так, так. Я вышел на лестничную

площадку.

Люк наверх был заварен. Понятно. Так вот для чего был нужен крюк! Чтобы с балкона подняться на крышу!

Все теперь складывалось. Значит, когда мы с Лизой подошли к креслу с археологом, она треснула меня по затылку, вышла на балкон и поднялась по канату на крышу. Крюк сбросила вниз. Когда приехала вызванная напуганными стрельбой соседями полиция, ее в доме не было. Люк заварен. На крышу полиция по стене не полезла.

Но как же тогда Лиза спустилась с крыши? Ведь канат висит вниз. Не могла же она прыгнуть с крыши на балкон? Нет, конечно. Четыре метра! Верная смерть. Это же не в воду прыгать, а на бетон!

Так может она и сейчас там? Я глянул вверх.

С четвертой попытки топорик надежно зацепился за бетонную ограду. Канат был холодный и противно липкий. Я полез вверх. В три часа ночи. В темень. На четвертом этаже. По голой стене! Ну, разве не дурак?

Перевалился через бортик ограждения и долго не мог отдышаться. Вот тебе мягкий диван, вот тебе коньяк и толстый живот! Получай!

Отдышался. Огляделся. Ничего не видно. Почему же я не взял фонарик? Не дай бог об этой

истории узнает Виньета! О том, как ее бывший шеф поперся ночью на крышу без фонаря искать голую девку.

Решил ползти. Боялся свалиться с крыши через низкое ограждение. Не могли его повыше сделать! Совсем никакой заботы о людях, гуляющих ночью по скользким крышам!

Первую шишку я набил, наткнувшись на кирпичную трубу вентиляции. Потом чуть не выколол глаз, напорвшись на сломанную телеантенну.

Вторая шишка вскочила, когда я головой определил край ограждения. Сел на теплую коробку вентиляции согреться и подсчитать потери. Опухший глаз, две шишки и протертый до дыр на коленях и локтях праздничный костюм. Единственный и очень дорогой!

Какого черта я не переоделся в лыжный? В нем и теплее, и лазить удобнее.

Пополз дальше. Сверху начал сыпать легкий снежок. Он забелил черную крышу и стало светлее.

Впереди показалась пристройка с дверью. Выход в соседний подъезд. Я открыл дверь и всунул внутрь голову. Зачем, спрашивается? Неужели у меня не нашлось всунуть внутрь ничего более бесполезного?

Удар, конечно же, пришелся по ней. Моей тыкве, балде, кочану. Разрешаю называть это

безмозглое приспособление для чавканья, как угодно, но только не головой. Головой люди думают. А такие, как я, суют ее туда, куда собака даже хвост постесняется сунуть! А я сунул. И получил такой удар совковой лопатой в правое ухо, что раздавшемуся звону позавидуют даже трамваи.

Звон продолжался, даже когда я очнулся. И первая моя мысль была как раз о трамвае. Я подумал, что теперь смогу наниматься на работу звонком и бегать впереди трамваев.

— Вам не очень больно?

Я сразу узнал голос Лизы.

— Что ты, деточка, конечно, нет! Огромное спасибо тебе, что ударила в другое место. По затылку второго удара я бы не выдержал.

— Простите. Я же не знала, что это опять вы!

Я лежал в пристройке на крыше. И, видимо, долго, так как уже вошла луна и светила прямо в открытую дверь. Меня трясло от холода. Хорошо, что я валялся не на бетоне, а на досках. Иначе бы — верное воспаление легких. Рядом со мной раздался стон. Молодой смуглый парень лежал рядом на боку и бредил.

— Кто это?

— Это мой... знакомый. Пат Лубак. Это значит — Зеленый Змей. Он индеец.

Значит, она — его невеста. Ишь, как зарделась!

Почти час мы с Лизой переносили ее жениха с крыши в мою квартиру. У него было ранение в спину.

Я тут же позвонил своему другу. Он хоть сам ветеринар, но его сын Сашка заканчивает человеческий медицинский институт. Учится на хирургическом отделении.

— Толик, это я, Роберт.

— Слушай, мужик, какой к черту Роберт в четыре утра после праздника?

— Ну, Толик, просыпайся быстрее. Это я, Клюев. Вспомнил?

— Ты что, недопил или наоборот? Ты, Роб, на часы глянь!

— Толик, да ты мне не нужен.

— А какого хрена тогда звонишь?

— Ты скажи только, сын твой дома?

— Конечно! Тоже спит. Как и все. И жена спит. И теща. Мать ее.

— Ну, ладно. Не ругайся. Дай трубку сыну.

— Слушай, Роб, может, лучше с тещей поговоришь? Мне будет приятней! А то храпит, как лошадь!

— Нет, дай трубку сыну. — На том конце послышался печальный вздох. А потом испуганный шепот Сашки.

— Дядя Роб! Что с вами опять случилось? — Были у меня с Сашкой раньше дела. Не одну дырку

он мне зашил.

— Саша, огнестрел.

— Понял. Вы у себя дома?

— Да.

— Приложите лед. Я уже еду.

Зашивал Сашка рану после удаления пули на балконе. Сказал — на морозе лучше. Микробов нет. Лиза светила ему переноской.

А я опять поднялся к археологу. Держа ладонь у левого уха. Единственно целой детали на моей многострадальной выпуклости. Назвать головой это месиво совесть не позволяла.

Ладонь какая-никакая, а защита. Рук у меня пока две, а ухо осталось одно. Жалко его.

Четыре часа утра, а сколько уже ярких праздничных впечатлений!

Я не очень надеялся найти что-то полезное в разнесенной на кусочки квартире. Но нашел.

Добросовестно читал все разбросанные бумаги из письменного стола. Несколько документов сунул в карман. Рекомендательное письмо на Лизу Соловьеву, горничную, с образованием учителя английского языка. На обороте — шесть строк выплаты зарплаты по месяцам.

Копия договора с детективным агентством «Три Слона». Об установлении слежки за горничной. Подписана стариком. Сумма солидная.

На документах — грязные отпечатки подошвы одного из «слонов» сорок растоптанного размера. Грубо работали ребята. Как в посудной лавке. Мозги они носили явно не в голове.

Из всего найденного стала складываться интересная картина. Бывшая учительница полгода назад нанялась гувернанткой к заболевшему археологу. Но... зачем?

На некоторые мысли меня натолкнули путевые заметки старика из растрепанной записной книжки. Оказывается, последние свои раскопки пять лет назад он вел в Центральной Америке.

Старик записал в блокнот легенду индейцев племени сапотеков о Дереве Здоровья. В ней говорилось о чудном цветном кристалле, закопанном предками под волшебным деревом. Кристалл они называли Соль Земли. Из записей было понятно, что кристалл был найден и привезен стариком с собой в Россию.

Я вернулся в свою квартиру.

— Ну, что Саш?

— Жить будет. Молодой еще умирать. Сутки будет спать. Я завтра с утраца подъеду. Перепугали вы меня, дядь Роб. Думал, у вас ранение. А лицо и затылок заживут. Нос, правда, потолще теперь будет. Давайте, теперь я вас обработаю.

Я ведь еще про звон в ухе ему не сказал. И так парня трясет всего.

Он уехал в шесть. На машине отца. Еще даже не рассветало.

Я перенес индейца на свой диван. А потом мы с Лизой пили крепкий душистый чай. Она до самого рассвета рассказывала свои похождения.

Отец Змея был вождем индейцев племени сапотеков. Звали его Сина Лубак — Красный Змей. Все его сыновья — тоже Змеи.

Я положил перед девушкой записную книжку археолога, раскрытую на странице с легендой о Дереве Здоровья.

Лиза посмотрела мне в глаза и продолжила рассказ.

Племя сапотеков год назад постигла великая беда. Потеряло силу Дерево Здоровья. Его листья стали желтеть и перестали вылечивать болезни. Шаман племени сказал, что это произошло после раскопок русских археологов на их землях. Люди племени пошли к Дереву Здоровья и увидели огромную яму в его корнях. Вместе с выкопанным кристаллом археологи улетели в далекую Россию.

Индейцы потребовали от шамана наказания грабителей. Шаман разжег костер возле Древа Здоровья и колдовал целый месяц.

Потом принес вождю куклу старика-археолога с отрезанными ногами.

— Боги лишили злодея ног! Он теперь никуда не сможет убежать с нашим кристаллом!

Пошли своего сына вернуть назад Соль Земли. Красный Змей послал своего старшего сына. Как туриста. Лиза была переводчицей в их группе. Так они и познакомились.

Она вытерла мягкой салфеткой пот со лба спящего Змея.

— И ты устроилась к археологу гувернанткой? — я положил на стол ее рекомендательное письмо.

— Да, — Лиза склонила голову.

— И полгода искала кристалл?

— Искала, но не нашла. И Пат искал. Старик его очень хорошо спрятал.

— А вы задумали его убить? Зачем?

— Нет, вовсе не убить. Когда отчаялись, то решили его просто припугнуть. Посадили старика в кресло, а Пат принес из подвала крысу. Поясом от халата привязал за хвост к подлокотнику и посадил ему на колени.

Я археологу сказала, что крыса съест его заживо, если он не скажет, где кристалл.

Вышли на кухню и вдруг услышали бормотанье старика. Прибежали, а тот смеется и показывает сотовый телефон. Пат его отобрал и выкинул, открыв балконную дверь.

Мы стали спрашивать у старика, куда он звонил. Но он только смеялся. Снова ушли на кухню посоветоваться. И вдруг — вопли старика.

Он отчаянно пытался отодрать вцепившуюся ему в нос крысу. Потом задержался — и умер. Сердце, наверное, не выдержало.

А вскоре раздались звонки и удары в дверь. Приехали вызванные археологом бандиты из агентства. Все трое с пистолетами.

Мы решили удирать. Пат сделал канат из простыней, привязал к нему кухонный топорик и закинул крюк на крышу.

Тут начался салют. Детективы, которых вызвал старик, вышибли дверь и ворвались в дом. Змей уже лез вверх по канату. Я, чтобы задержать, бросилась агентам под ноги.

Двое упали, но третий громила успел выскочить на балкон и выстрелить Пату в спину. Но тот уже перевалился через бортик.

А бандиты стали меня пытаться.

— Старик по телефону сказал, что вы требуете у него кристаллы. Где бриллианты?

Они обыскали меня, разорвав всю одежду. Поясом связали руки и бросили у балконной двери. Сами же начали обыск в квартире.

Я прокусила губу и смазала руки кровью. Я знала этот старый испытанный способ освободиться от пут. Кожа становится очень скользкой.

Тихо выбралась на балкон. Но подняться вверх уже не смогла. Канат пропитался кровью

Пата и скользил. Тогда он сбросил его вниз и я спустилась на ваш балкон. Ну, а дальше вы знаете.

Я потрогал голову. Да, как раз во время пятого салюта начались уже мои приключения.

— Зачем ты меня ударила в затылок?

— Я тоже заметила кусок бумажки в кулаке старика. Подумала, что там записано место, где спрятан кристалл.

— И?

— Это был просто обрывок газеты.

Теперь понятно. Обнаружив отсутствие девушки, детективы выскочили на балкон. Подняли канат и обнаружили на нем топорик. Но не поняли его назначения. Значит, мне не показалось, что канат исчезал.

Правильно решили, что девушка спустилась на мой балкон и бросились вниз.

Не найдя девушку, вернулись наверх довершать погром. А Лиза опять спустилась вниз.

Отливать меня ледяной водой.

Соседи, испуганные выстрелами, вызвали полицейских. Заслышав сирены, компаньоны-агенты ретировались.

А я, пока полиция добиралась до дома, очнувшись, поперся вместе с Лизой наверх, предложив себя на роль убийцы-неудачника. Хорошо, хоть наследить нигде не успел. Ну, а обниматься с трупом пока законом не запрещено. А

то бы писал все это на бумаге в клеточку от тюремного окошка.

У меня была целая неделя на размышления, пока поправлялся жених Лизы. Путель дело закрыл, признав смерть старика от инфаркта. Да так оно и было!

Я же сегодня вспомнил о дочери археолога. Адрес ее дачи разыскали без труда. Мы туда поехали втроем. Дача пустовала. А вот в саду нас ждало чудо.

Узнать яблоньку с кристаллом было нетрудно. Несмотря на начавшиеся морозы, она стояла вся в розовых цветах. Даже жалко было выкапывать кристалл.

Лиза с Патом вскоре поженились и увезли Соль Земли на далекую родину. Судьбу трех детективов-бандитов я тоже недавно узнал. Моя жена Виньета как-то рассказала, подливая мне в тазик горячей водички, о своих бывших конкурентах из фирмы «Три Слона». Фирма закрылась, так как у всех троих неожиданно отказали ноги. И теперь они могут передвигаться только в инвалидных колясках.

А что — слон в коляске!

Оригинально!

2. Рыбка моя

Рыбка моя, успокойся, все будет хорошо! — я кричал через закрытую дверь слова, в которые сам не верил. За дверью всхлипывания немного стихли. Подошел к столу и снова стал рассматривать рождественский «подарок». Это была красивая шкатулка из оргстекла, переливающаяся радугой цветов в свете фонаря.

Все бы ничего, если бы не кусок пластида внутри с воткнутым детонатором и тикающие часы с изогнутой стеклянной трубкой контактного ртутного устройства. А также куча металлических контактов под крышкой и на дне шкатулки.

Саперы такую комбинацию называют «НБЗ» — неизвлекаемый боевой заряд. Все контакты работают на размыкание. Открыл крышку — взрыв. Тронул с места часы или заряд — взрыв. Наклонил шкатулку — срабатывает ртутный контакт — снова взрыв. Стрелка часов сползла с металлического контакта — взрыв. А стрелка будильника стояла точно на двенадцать часов.

Время счастливого Рождества. Но только не для меня!

Выход, конечно, был — надо остановить часы. Но как? Вот уже почти час я смотрю, как стрелки неумолимо, как лезвия ножниц, сближаются, чтобы обрезать тонкую ниточку, на которой повисла моя жизнь.

Неуютно чувствовать себя живым трупом.

Начинаешь смотреть на свою бессмысленную предсмертную суету как-то со стороны. Осуждающе. За каждую бесцельно потраченную секунду. Циферблат гипнотически притягивал взгляд и охлаждал мозг. Осталось меньше пятнадцати минут.

* * *

— Рыбка моя! — я постучал ногтем по стеклу, привлекая Пучеглазку к корму. Так все называли общую любимицу экспедиции — крупную самочку телескопа. Цвета черного бархата, с выпученными глазами, она казалась важной и степенной хозяйкой среди хоровода разноцветных гупёшек.

С аквариумом я не расставался даже в таких тяжелых условиях, как наша пустынная экспедиция. Правда, тяжелой ее можно назвать только по климатическим и природным факторам, а в бытовом плане мы были устроены более чем комфортно. Все благодаря протекции нашего спонсора-космонавта, а теперь — преуспевающего олигарха, открывшего из космоса в казахстанской полупустыне эти блуждающие нефтяные поля.

Самая легкая, самая чистая и самая близкая к поверхности нефть. Ею и занимается наша геологическая партия всего из четырех человек. Коля Панов и я, как начальник экспедиции,

выполняем все полевые работы. Серега Гроздецкий, по кличке «Матрос» — наш инженер. На нем — обслуживание техники и электрооборудования.

Красавица Асия — повар и завхоз по совместительству. Мы трое работаем уже несколько лет вместе, а повара, как всегда, подбираем из местных. В этот раз мне приглянулась симпатичная мулатка, которую я увидел в привокзальном кафе. Сманил ее высокой оплатой и не пожалел. Ни о ее профессиональных качествах, ни о человеческих.

Но вот влюбились мы в нее все трое. Сразу и бесповоротно. Хотя холостым был один Николай. Но на все ухаживания Асия только улыбалась. И это бесило нас все больше и больше. Лучше бы она хоть кому-то отдала свои предпочтения.

Новый год мы отметили вчетвером. В тесном, почти семейном кругу. С маленькой пластиковой елочкой. Дарили друг другу подарки и пили шампанское.

Асия заявила, что у них принято самые дорогие подарки дарить на Рождество. Она каждый год получает такие подарки от родителей и своего брата, Мурата Сабиева.

Коля и Серега решили рождественскую неделю провести с родными. Я тут же договорился, чтобы за ними прислали вертолет. Перспектива остаться с Асией вдвоем на целую неделю меня очень вдохновляла.

Я смотрел из окна радиобудки, как из вертолета выскочил брат Асии с огромной коробкой в руках. Они обнялись и пошли к жилым боксам.

Ребята должны погрузить на борт часть собранных материалов и свои вещи. Я вышел их всех проводить. Асия о чем-то весело разговаривала с Пановым. Николай, увидев меня, швырнул рюкзак внутрь вертолета и поднялся по ступенькам.

— Асия, а где твой брат?

— Он сказал, что пойдет к Сереже на склад. Поможет ему коробок с минералами донести.

Ящик грузили уже в готовую к взлету рычащую машину.

— Ты тут без нас не хулигань, командир! — Серега больно хлопнул меня по плечу. — Чтобы потом не пожалеть!

Он прыгнул внутрь. Да, теплого прощания не получилось. Серегины намеки мне были понятны. Николай, вон, даже руки не подал.

Вертолет скрылся в поднятом им облаке снежной пыли. Асия еще долго махала ему вслед.

Мы пошли к жилым боксам.

— Влад, я накрою стол в столовой. Подходи к одиннадцати, — голос у нее был не очень радостный.

— Обязательно! А что подарил тебе Мурат, Асия?

— Национальное казахское платье. Я его сегодня тебе обязательно покажу.

Последние ее слова прозвучали для меня обнадеживающе. В приподнятом настроении пошел опять в радиобудку. Надо было передать еще кучу поздравлений знакомым партиям.

В половине одиннадцатого пошел переодеться в свой бокс. Внешняя дверь в переходной коридорчик почему-то была приоткрыта. Я заглянул внутрь. На полу лежал снег. Внутренняя дверь закрыта. Слава богу, а то я уже перепугался за своих рыбок.

Вымел из коридорчика снег и захлопнул внешнюю дверь. Раздался жуткий треск электрического разряда. Короткое замыкание. Свет в коридорчике погас. Я на ощупь открыл внутреннюю дверь и вошел в комнату.

Достал из шкафа и включил переносной фонарь на светодиодах. Вот в его немного жутковатом бело-голубом свете я и увидел на столе «подарок».

Выскочил с фонарем в коридор. Выдранный из стены электропровод был замкнут металлической дверью. Оплавленные концы свесились вниз.

Я подергал ручку. Бесполезно. Электронное запорное устройство заклинило в закрытом состоянии. Без электричества такую дверь можно

открыть только автогеном.

Жилые боксы и служебные лаборатории были закуплены в благополучной Европе, не знающей, что такое жизнь без света. Тем более для нас был заказан пустынный вариант. Полностью герметичные корпуса, без окон. Вместо них — две видеокамеры и огромный экран монитора на стене. Идеальная защита от пылевых бурь.

Я снял трубку телефона внутренней связи. Тишина. Кто-то позаботился оборвать провода. О сотовой связи в пустыне мы уже давно забыли.

Асия будет меня ждать в столовой в одиннадцать. Забеспокоится она минут через пятнадцать. Пока есть время разобраться с подарком.

Я снова сел к столу. Поставил фонарь ближе к шкатулке. Без пяти одиннадцать на внутренних часах. Обычная подарочная шкатулка для бижутерии. Продают в любом магазине. Видел я похожую у Сереги — он в ней радиодетали хранит.

А вот часы — точно принадлежат Панову. Месяца два назад видел их на его прикроватной тумбочке. Еще спросил, почему держит механические часы, у всех давно электронные. На что, помнится, Николай ответил, что на электронные в пустыне батарейки негде покупать.

Кто же из них преподнес «подарочек»? То, что это связано с Асией, для меня было понятно.

Тут сомневаться не приходилось. И время они подобрали идеальное. У обоих — железное алиби. С родителями давно уже Рождество отмечают.

Конечно, больше подозрений вызывал Серж. Все-таки инженер, работать с паяльником умеет. А часы Николая вставил для отвода глаз.

Чьих? Явно не моих. Мои скоро навсегда закроются. Для экспертов он старался. Которые после взрыва кусочки собирать будут. Изготовить-то такое устройство Серега сможет. Но вот где он пластид взял? Это вопрос. На складе партии есть взрывчатка, но только примитивные «конфетки» из тротила. Черного рынка взрывчатки поблизости нет. Вертолет с продуктами два раза в месяц из областного центра — и все.

Да и не продают пластид из-под полы на базарах. Хранится он под особым контролем на складах воинских частей. Кроме саперов, его никому не выдают. Очень уж мощная вещь!

Правда, в качестве сувениров, десантники с войны привозили брусочки. А ведь Николай — афганец! Вечно замкнутый и неразговорчивый. Мог он на войне быть сапером? Запросто!

Итак, четыре человека могли зайти сегодня вечером в мою комнату. Нет, три. Асия постоянно была то со мной, то с братом. Код от электронных замков на всех помещениях был одинаковый — один, два, три. После того, как я сменил летом код

на радиорубке и успешно забыл его. Пришлось резать замки автогеном. Так и закрываем теперь дверь рубки на проволочный крючок.

Мурат мог знать код от Азии, так как часто бывал в гостях в ее боксе. Но у Мурата нет мотива убивать меня. Из-за братской ревности не убивают.

Итак, остаются Николай и Серега. Панов постоянно летал в областной центр на вертолете, сопровождая отчеты и ящики с минералами. Мог детальки к бомбе прикупить!

А вот инженер практически безвылазно находился на территории экспедиции. Зато в его полном распоряжении агрегатная с инструментом и мастерская!

Получалось, что пластид легче достать Николаю, а собрать бомбу — легче Сереге.

Черт! А может они сговорились? Неужели это подарок от двоих? Есть и такая вероятность.

«Из-за ревности убит начальник геологической партии своими же подчиненными». Хороший заголовочек для газет!

Надо еще раз вспомнить их перемещения перед отлетом. Сначала у меня на глазах Серега грузил гору ящичков с образцами пород в вертолет. Азия с братом были в это время в ее боксе. Не было Николая. Почти полчаса. Вполне достаточное время, чтобы настроить и установить бомбу. То-то он не захотел с трупом за руку прощаться! И это

после пяти лет полевых работ! Не зря говорят, что предать может только друг.

Потом от вертолета ушел за большим ящиком с минералами Серега. Потом к нему пошел Мурат. Но складской бокс совсем в другой стороне от жилых.!

Это уже интересно!

Получается, что и Мурат, и Серега проходили мимо моего бокса в одиночестве. А встретились только на складе образцов.

Ко мне в комнату заглянуть могли оба. Только зачем это Мурату? А вот насчет Сереги мои подозрения усилились. Да еще эта его угроза перед отлетом!

Я глянул на часы. До моей смерти осталось сорок минут.

Почему не идет Асия?

Да, в интересном я оказался положении. Труп, расследующий собственное убийство. Только, пока безуспешно. Но если даже я узнаю имя убийцы, если не придет Асия, как его сообщить другим? Написать? Пластид разнесет мой бокс на мелкие кусочки. Внутри все выгорит. Оставить записку в чем-то металлическом?

Я с надеждой провел лучом фонаря по стенам. Нет, ничего прочного в комнате не было. Подошла бы пустотелая разъемная гиря-матрешка, как у Матроса. Он ей бицепсы накачивает. Но у меня и

бицепсов-то нет, не то, что гири. Так, жалкие прыщики выше локтя. Поэтому Серега и разгуливает вечно в столовой в одной майке, поигрывая мышцами перед Асией!

Ага, а вот и она. Осторожный стук в дверь.

— Влад, ты почему не идешь?

Ну, вот! А я переживал, с кем передать имя убийцы. Которое пока не знаю. Что ж, надо тогда рассказать ей, что есть.

Нет, первым делом займемся электричеством. Надо попробовать включить ток. Дверь и откроется. Слабая, но надежда.

Помню, что после короткого замыкания на кухне, Серега менял весь блок предохранителей на электрощитке. Слабовата буржуйская электроника против русских замыканий! Расплавился тогда весь щиток!

— Асия, рыбка моя, отключился свет в моем боксе. Я не могу, поэтому, открыть дверь. В твоём боксе есть свет?

— Да, есть. Влад, а ты ручкой не пробовал открыть?

Боже, какая наивность! Или глупость? Меня уже начало раздражать все.

— Асия, рыбка моя! Сходи в генераторную. Там на стене красный щит с рычажками. Проверь, чтобы все рычажки стояли вниз. Если какой стоит вверх — то опусти его вниз. Поняла?

— Да, — слышался скрип снега.

Мороз к полуночи крепчал. В моем боксе отопление теперь не работало и я уже начал это ощущать. Как бы не замерзли мои бедные рыбки.

Через пять минут снова скрип снега и осторожный стук.

— Влад, а дверь генераторной не открывается. Там возле замка вырваны провода. Я не знаю, как их соединить.

Итак, это все! Конец!

Убийца предусмотрел все! Все мелочи!

Автоген и болгарка, о которых я недавно думал, тоже лежали в генераторной. И все инструменты. Мышеловка захлопнулась.

— Влад, ты теперь там замерзаешь, да? Тебе холодно?

— Нет, рыбка моя, я не успею замерзнуть. Немного раньше я взорвусь. Кто-то не только отключил у меня свет, но и оставил на столе бомбу. Она взорвется ровно в двенадцать. Так что, отойди к этому времени подальше от моего бокса.

— Бомбу? Это правда? Нет, ты шутишь, да?:

— Нет, рыбка моя. Сам хочу, чтобы это была шутка.

— Влад, а может это розыгрыш? Для смеха. Могли же ребята пошутить?

— Нет. Бомба настоящая, — я начал злиться.

— Но кому надо тебя убивать? И за что?

— Если бы я знал, кто, рыбка моя, то с удовольствием перегрыз бы ему глотку.

— Влад, может надо позвать на помощь?

Я уже думал об этом. Рация постоянно работала в дежурном режиме. Достаточно только нажать на кнопку передачи и наш голос услышит дежурный по связи в областном центре. Вот только вертолет, даже на максимальной скорости, доберется не раньше, чем через два часа.

А у меня осталось — пятнадцать минут!

* * *

— Нет, рыбка моя, вертолет не успеет добраться. — За дверью послышались рыдания.

Рыбка моя, рыбка моя... Снова насыпал корм в аквариум и постучал ногтем по стеклу. Пусть хоть Пучеглазка умрет сегодня сытая и довольная. Корм плавал на поверхности воды кругами. Подышал на стекло. Оно запотело. Холодно. Как подогреть воду?

Вода — для всех добро. Особенно для рыбок.

Вот бомба с часами — для всех зло.

Вода — добро. Часы — зло.

Я, наверное, тысячу раз повторил эту фразу.

Но ведь добро и зло несовместимы!!! Вот оно — решение!

Теперь надо отослать Асию подальше и занять

ее делом. Нечего ей рисковать.

— Асия, рыбка моя, сходи в радиоузел. Тебе ответит дежурный связист. Попроси, чтобы он сообщил о бомбе в военкомат. А они пришлют вертолет с саперами. Поняла?

— Да! — скрип снега и тишина.

Можно действовать. Только надо еще раз все продумать.

Я дал себе еще минуту. Успокоил дыхание. Мысленно помолился.

Медленно приподнял «подарок» и сделал плавный разворот к аквариуму. Плавно опустил шкатулку в воду. Вода — проводник. Но я боялся только размыкания. Пока все контакты замкнуты, мне бояться нечего. Поверхность воды запузырилась от выходящего из шкатулки воздуха. Наконец, шкатулка заполнилась.

Часы остановились!

Добро и зло несовместимы!

Часы не могут ходить в воде!

Я еще более осторожно вынул шкатулку и дал стечь воде. Рыбки в аквариуме заметались. Видно им не понравилась стекающая жидкость.

Поставил, теперь безопасную, шкатулку на стол.

Долго сидел, опустив голову. Жив!

Невероятно, но жив!

Спасибо тебе, рыбка моя, за подсказку. Я

глянул на аквариум.

Пучеглазка висела у самой поверхности воды вверх животом. Выпученные глаза побелели.

Гупешки обеспокоенно кружили вокруг нее. Вытекшая из шкатулки вода убила нашу общую любимицу! Ценой своей жизни она спасла мою!

Ровно в двенадцать я выпил залпом стакан коньяка.

И сказал четыре тоста:

— За второе рождение!

— За Рождество!

— За упокой моей спасительницы

Пучеглазки!

— За наказание моего убийцы!

Да, надо было еще довести до конца дело поиска и наказания моего убийцы.

Два часа, пока не прилетел вертолет, мы с радостной Асией переговаривались через дверь.

Она несколько раз обеспокоенно спросила, не пойдут ли снова остановившиеся часы?

Их стрелки застыли в десяти минутах от двенадцати. Мне удалось превратить ниточку, на которой висела моя жизнь, в толстенный канат. Он оказался не по зубам тонким часовым стрелочкам.

— Не бойся, рыбка моя, часы сами по себе не пойдут. Для этого нужен очень сильный толчок, а я их не трогаю.

Гул вертолета очень меня обрадовал. А еще

больше обрадовал визг болгарки, перерезающей дверные запоры. Дверь распахнулась.

Передо мной стоял Мурат.

— Где бомба? — он шагнул к столу. Я ошеломленно молчал.

Асия, влетевшая следом за ним, бросилась мне на шею.

— Мурат, не трогай шкатулку до прихода саперов! Она очень опасна! — я осторожно отстранил Асию.

— А я и есть сапер, — он осторожно поднял шкатулку и внимательно ее разглядывал.

— Почему внутри вода?

— Я опустил ее в аквариум и часы остановились.

— Об этом я не подумал, — он шагнул к двери.

Зато последняя его фраза заставила подумать меня.

— Подожди, Мурат. Надо сначала показать бомбу следователям, может, на ее деталях остались отпечатки убийцы.

Мурат остановился. Задумчиво глянул на часы внутри шкатулки.

— Может быть... Но, все равно, я отнесу ее подальше от жилья, пусть они ее там рассматривают, — он осторожно спустился с крылечка.

— Рыбка моя, твой брат действительно сапер?

— Да, при военкомате. Но он мне не родной брат. Сводный.

Вот оно как! Мысли в голове лихорадочно заскакали.

— Так что он тебе действительно подарил на Рождество?

Асия опустила голову.

— Свадебное платье. Он опять предложил пожениться.

— А ты?

— А я, как и прошлый раз, отказала ему. Опять сказала, что люблю тебя, Влад.

— Это правда? — я взял Асию за руки и заглянул в глаза.

Она еще ниже опустила голову.

— Нет, — голос прозвучал хрипло и очень тихо. Он вырвала руки и подняла горящие глаза.

— Влад, извини меня, но я люблю Николая. Мы уже обо всем с ним договорились. Он полетел к родителям за благословением. Для меня это важно. Мы, казахи, очень уважаем мнение родителей. Но я не могла сказать об этом Мурату и подставить Николая. Мурат временами бывает очень злой. Видишь, как он поступил с тобой? — она уже обо всем догадалась.

Да, уж! Я глянул на удаляющуюся фигуру сапера. Шел он очень медленно и как-то

неуверенно, часто останавливаясь.

А меня, значит, подставлять можно? Понять женскую логику невозможно.

Она, конечно, по-своему права, отводя удар от любимого. Но можно было и меня как-то предупредить? А то вон полголовы побелело! Просидеть целый час, глядя смерти в глаза!

Сомнительный подарок к Рождеству!

Как будто услышав мои мысли, фигура сапера повернулась к нам лицом. Мурат разжал руки и шкатулка полетела вниз.

— Не-е-ет! — крик Асии заглушил грохот взрыва. Нас прижало к стене бокса, а потом швырнуло на снег. По крайней мере, он сделал свой выбор.

Добро и зло несовместимы!

3. Замок для замка

Все верно. Двадцать девятый километр и табличка «Замок Черный Жора».

Мой «москвичок» нырнул в туннель, образованный снежными кронами деревьев. И тут же попал в березовый рай. Узкая цветная полоска дороги красивыми изгибами вилась между белоствольными красавицами.

Но почему на дороге нет падающего крупными хлопьями снега?

Я затормозил.

Цветной пенобетон был теплый! Дорога с подогревом!

Ай да Черный Жора! Серьезный дядя! Не зря мне советовали держать с ним ухо остро.

С жалостью глянул на свою проржавевшую тачку. На сияющем разноцветном полотне дороги она смотрелась, как плевок на крыле дорогой иномарки.

Вчера на электронную почту мне прислали предложение по оценке и расшифровке глиняных табличек, якобы недавно добытых в Египте. Что-то не слышал я ни о каких новых находках в этой области. А все, что добыто раньше нашими археологами — давно расшифровано, описано и хранится в столичном музее.

Неужели действительно новое? У меня после письма просто руки задрожали в предвкушении сенсации. А там и до Нобелевской премии недалеко!

Да и денежный вопрос — не последний. На зарплату старшего научного — не пошикуешь. Особенно при моем пристрастии к кубинскому рому.

Нет, я не алкаш! Но ром люблю. Особенно в коктейлях. А их рецептов я знал — тысячи.

Мой долг в винном отделе универмага уже перевалил за годовую зарплату. У каждого человека

свои слабости и достоинства.

В письме говорилось о сорока табличках. Я предполагал взять за расшифровку одной книги сотню баксов. Теперь же, трогая теплый бетон, я смело приписал в уме к этой жалкой цифре нолик.

Нечего!

Замок поразили своими размерами и мрачным видом. Интересно, откуда привозили для его строительства столько черного гранита?

В холле никого не было. В коридорах — тоже. Кругом валялся строительный хлам и стояли пирамидами банки с краской и клеем.

Наконец увидел идущего по длинному коридору могучего швейцара в расшитом золотом красном пиджаке до колен и в розовых плавках. Странная у них тут униформа.

— Милейший, можно тебя на минутку? — я остановил пытавшегося свернуть в коридор человека.

Тот остановился и с любопытством уставился на меня.

— Ты кто, мужик? — он сунул руку в карман.

Боже, какое бескультурье! Да, Россия не Англия! Разве там дворецкий задаст гостю такой вопрос?

— Я египтолог. Приехал по письму. Для расшифровки глиняных табличек.

Что я этому дуболому объясняю? Он и слов

таких, видимо, не знает.

— Иди за мной.

За высокой дубовой дверью открылась прекрасная многоярусная библиотека. На крытом бархатом столе стояли четыре вскрытых деревянных ящика. В каждом лежало по десять глиняных табличек с клинописью.

— Вот твоя работа, ебибтолог, — швейцар протянул мне руку. — Жора. Черный.

Меня обдало жаром. Это — хозяин замка? В трусах? Хотя...

— Правильно — египтолог! — я с достоинством пожал два его толстых пальца. Остальные не умещались в моей ученой ладони. Большой розовый камень на его перстне больно царапнул кожу.

— Салочка! — радостно выкрикнул Жора.

Достал из своего камзола маленький блокнотик в золотом футляре и золотым карандашиком что-то черкнул.

— Не понял. Что значит — «салочка»?

— Значит, что ты, ебибтолог, получишь за пререкания на сто баков меньше. С этого момента ты принят на работу. Теперь называй меня — хозяин. Абрэ?

Последнее слово, несмотря на знание двадцати языков, я перевести не смог. Но по интонации понял, что оно означает что-то типа